Избранная и беглец

Автор:
Оливия Штерн

Избранная и беглец

Оливия Штерн

Она – избрана проклятием и должна умереть. Он – беглец, на него идет охота.

Сможет ли беглец, встретив истинную пару, бросить вызов самым могущественным силам вселенной? Сможет ли его единственная довериться тому, о ком так мало знает? И, наконец, какова цена императорской короны и благосклонности богов Федерации?

Их путь лежит к звездам. Игра началась.

Оливия Штерн

Избранная и беглец

Пролог

Она не может шевельнуться. Тело налито каменной тяжестью, ни руки поднять, ни обернуться. И все, что остается, – с ощущением полного бессилия чувствовать затылком горячее дыхание.

Мужчина, стоящий за спиной, ничего не говорит, и оттого ей делается еще страшнее. Сердце заходится в бешеном беге, перед глазами пляшут

надоедливые серые мошки. Во рту сухо. Становится душно, как летом перед грозой. Кто он? Зачем? Кто-то чужой, кого она никогда раньше не видела. И совершенно непонятно, чем все это закончится.

Ее окружает липкая, вязкая темнота, ни одного лучика света. И чужое дыхание щекочет затылок, а потом шею. Она зажмуривается, закусывает губу, чтобы не закричать от ужаса, который горячими игольчатыми когтями щекочет где-то под ребрами. Кричать нельзя. Почему? Ах да. Потому что муж услышит. Тот, кто купил ее, а теперь живет страхом и болью нелюбимой жены. Мужу точно не понравится, что она в темноте наедине с неизвестным мужчиной.

Но вместе с ужасом очень медленно по всему телу разливается предвкушение чего-то нового. Запретного и желанного… В груди становится мучительно-сладко, натягивается незримая струна, и в этот момент теплые губы касаются обнаженного плеча, дорожкой легких поцелуев перебираясь выше. Зубы легко прикусывают мочку уха. Она понимает, что пропала окончательно, из горла рвется стон. Немая мольба – еще, пожалуйста, не останавливайся. Никто и никогда так себя с ней не вел. Она понимает, что все это неправильно, нехорошо и что наверняка позже последует наказание, но уже не может противиться. Сухие жесткие ладони ложатся на спину, пробегаются играючи вниз, вдоль позвоночника, затем завораживающе медленно перемещаются вперед, скользят по животу, решительно накрывают грудь. Дыхание делается рваным, она хватает ртом внезапно раскалившийся воздух, хочет просить, умолять… и не может произнести ни звука. Снова ощущение острых зубов на шее, легкий игривый укус – словно приглашение на роскошное пиршество. Раствориться бы в этой медовой сладости, потеряться в безвременье и мраке.

И совершенно неожиданно способность двигаться возвращается.

Она резко оборачивается в надежде увидеть того, кто заставил трепетать в запретной неге все тело. Из тьмы резко надвигается длинная морда чудовища. Жесткая чешуя, сверкающие зеленью глаза, два ряда зубов, на которых даже в такой темноте катаются мокрые блики. Она словно падает в ледяную воду и кричит, кричит… от ужаса, от понимания, что вот она, смерть, уже ничего не изменить. И последнее, что вспыхивает перед глазами, – сверкающая корона среди костяных шипов.

Айрис проснулась, задыхаясь, комкая простыни. Дракон! Да еще в короне. Спаси Двуединый, это был дракон в ее сне. С драконом она предавалась преступной

страсти.

И жутко так, что кровь в жилах стынет, и одновременно сладко. Так, как никогда не было раньше…

Она зажмурилась, повернулась на бок, все еще переживая невыносимо нежные прикосновения. Надо срочно помолиться Двуединому. Если приснился дракон, считай, случится какая-нибудь неприятность.

Глава 1

Беглец

Его тюрьма была идеальной. Круглая площадка, метров двести в диаметре, накрытая сверху куполом силового поля. В центре круга стоял одноэтажный дом, прочее пространство разделялось на секторы: тропические заросли, пруд, заросший нежно-розовыми лотосами, выстроенные рядком тренажеры. Идеальное место, чтобы провести здесь всю жизнь. Идеальное место, чтобы научиться ждать.

Оллин бежал. Покрытие дорожки пружинило под ногами. Сердце размеренно билось, и датчик, закрепленный на запястье, послушно анализировал кардиограмму, выводя на черном глянцевом экране ядовито-зеленые цифры и графики. С сердцем у Оллина был полный порядок. С прочими органами тоже. Кто-то очень заботился о том, чтобы пленник пребывал в прекрасной физической форме. Кому-то было нужно, чтобы Оллин не умер и оставался в здравом рассудке. Несколько лет назад он по дурости вскрыл вены, но уйти ему не дали. Ассистент конечно же постарался: в ванную пустили усыпляющий газ, а, когда Оллин снова открыл глаза, на предплечьях остались тонкие, словно нити, шрамы.

Завершив последний, десятый круг по периметру своей тюрьмы, Оллин остановился у пруда. Зеркало воды то и дело подергивалось легкой рябью, но то был не ветер – под куполом его вообще не бывало. Просто где-то глубоко под площадкой работали генераторы антигравитационных полей, и вода ловила эту

дрожь. Тюрьма плыла высоко в небе над поверхностью неведомой планеты.

Стоя босиком на мягкой траве, Оллин стянул через голову майку, затем штаны, оставшись при этом полностью обнаженным. За спиной недовольно пискнул Ассистент, Оллин покосился на него через плечо.

– Что тебе, Аси?

За долгие годы одиночества он дал ему имя. Сейчас даже смешно, когда был совсем маленький, искренне верил в то, что эта медуза с шестью мягкими щупальцами – единственное живое существо во вселенной за исключением его самого. Рассматривал свои руки и ноги, недоумевал, почему его тело не такое, как у Аси. Прижимался щекой к мягкому и теплому, словно живому, силикону, и Аси гладил его по голове щупальцем. И только потом, вместе с образовательными программами, пришло понимание того, что Аси – обычный когнитивный ассистент, а Оллин – человек, и что есть другие люди, но почему-то Оллин заперт в этом месте и не может выйти. Тогда Оллину исполнилось десять лет. Как раз тот самый возраст, чтобы осознать себя, а заодно и всю несправедливость и безнадежность ситуации, в которой оказался по чьей-то злой воле.

Мягкое тело Аси пошло волнами. Он отключил ангравы, опустился на траву, опираясь на все шесть конечностей. Овальный дисплей, который Оллин когда-то считал лицом, осветился. На черном фоне появились две окружности и дуга под ними, что должно было означать улыбку.

– Оллин не должен перекидываться, – прозвучал из динамиков совершенно бесполый голос.

– Кому я не должен, а?

Аси на миг задумался, потом изрек:

– Информация закрыта.

– Ну вот и молчи, – обрубил Оллин, снимая датчик с запястья, – если не нравится, можешь отвернуться.

– Я не могу испытывать эмоцию, которую ты называешь «нравится», – прошелестел ассистент и, как показалось Оллину, вздохнул.

Что за чушь. Ассистенты не вздыхают. Они просто выполняют возложенные на них задачи, такие, например, как вырастить младенца.

Оллин посмотрел на пруд. Лотосы едва заметно колыхались. Неподалеку плеснула рыба. Он усмехнулся. Ему, пожалуй, осталось одно удовольствие: перекидываться в свой драконий аватар, как и положено модификанту.

И да, о том, кто такие модификанты, Оллин тоже смог узнать, только взломав шлюз доступа к сети, да и то весьма поверхностно, без подробностей. Те образовательные программы, которыми его пичкал ассистент, никакой информации о модификантах не содержали.

Подмигнув Аси, он потянулся, с удовольствием чувствуя каждую мышцу. Мир дрогнул, словно оборачиваясь вокруг своей оси, тело скрутило болезненной судорогой, заставляя сжаться в позу эмбриона, поджимая к груди колени и локти. Кости, мышцы, сухожилия, кожа – все стремительно менялось, аватар рвался наружу, раздирая хрупкое человеческое тело – и когда наконец все закончилось, Оллин с удовольствием посмотрел на когтистые конечности с перепонками между пальцами и зевнул, щелкнув зубами.

– Тебе не надо нырять, – пробубнил за спиной ассистент.

Оллин не ответил. Оттолкнулся всеми четырьмя лапами, а затем шумно, с брызгами плюхнулся в пруд.

Здесь все было другим, не так, как на суше, но все равно очень приятно. Свет зеленоватый. Холодный. Внизу темно. Толща воды пронизана сочными стеблями. Наверху колышутся черными пятнами тарелочки лотосов.

Загребая лапами, Оллин поднырнул глубже. Кислорода в крови с лихвой хватало, так что можно было не торопиться и поплавать. Должны же у него остаться хоть какие-то удовольствия? Чистая вода приятно холодила большое и нечеловечески сильное тело. Молниеносное движение – и в зубах забился серебристый карп. Ощущение мягкой плоти, перемалываемой челюстями. На зубах хрустнули позвонки. Эйфория, накатывающая волной… Иногда Оллин

думал, что, если бы встретил того, кто его здесь запер, тоже загрыз бы. И сожрал. Откусывал бы по куску, отрывая плоть от костей, и слушал бы вопли боли и ужаса – потому что сам он был обречен на боль и ужас с самого начала. Оллин никогда не знал иных существ, кроме мягкотелого ассистента, и это наводило на мысль, что его заключили в тюрьму с самого рождения.

Потом он вынырнул, выбрался на берег и разлегся на траве, жмурясь на солнце. Аси маячил тенью и, казалось, излучал укоризну – хотя, понятное дело, ассистент не может испытывать эмоций. Даже если это ассистент, к которому ты привык, как к самому себе.

– Сейчас вернусь, – пробормотал Оллин.

Вместо слов из пасти вырвалось довольное сытое урчание.

– Время завтрака, – оповестил Аси.

Оллин еще раз посмотрел на небо сквозь защитный купол. И подумал, что происходит что-то новое в его тюрьме. Купол взялся сполохами, как будто прогнулся. Пошел волнами, словно в воду бросили камень. И еще один. А потом – как в замедленной съемке – сквозь радужное мерцание на поверхность тюрьмы опустилось серебристое округлое брюхо корабля.

Настоящего быстроходного корабля, реальности которых Оллин собственноручно включил в число своих нейротренажеров. Хотелось научиться управлять большими и красивыми металлическими птицами, хоть и понимал, что все напрасно и бессмысленно.

Корабль тяжело сел прямо на крышу дома, стены хрустнули, словно скорлупа, и сложились.

– Оллин, прячься, – вдруг сказал Аси, – я отправляю сигнал бедствия.

Кажется, его синтезированный голос дрогнул. Впервые за все эти годы.

Внятные мысли разом куда-то делись. Оллин уже не раздумывал, откуда взялся корабль и что за существа прилетели вот так, запросто продавив защитный

купол. Скрежет ломающихся стенок дома, в котором он провел так много лет, внезапно отозвался подсердечной болью.

«Да что ж это? Почему?»

Еще через мгновение что-то ярко полыхнуло с противным визгом, и Аси – его Аси, тот, что носил его в своих мягких щупальцах и гладил по голове – тяжело ударился о землю. Но уже не мягкой медузой, а обугленным дымящимся комком, из которого торчали, подрагивая, серебристые проводки.

Оллин зарычал.

Аси.

И, развернувшись, рванул под воду, ныряя бесшумно и почти без брызг.

?

Там, наверху, над водой, суетились. Несколько пылающих и шипящих плазменных снарядов прошло совсем рядом с ним, Оллин едва успел извернуться, изо всех сил помогая себе хвостом. Вильнул в сторону. Туда, где пруд вплотную прилегал к сектору с тропической растительностью. Под стенками черепа крутились, сталкиваясь и рассыпаясь осколками, самые бестолковые вопросы. Кто это? Почему его хотят убить? И отчего явились только сейчас, не раньше?!

Но ответов не было. Пока не было.

Единственное, что Оллин чувствовал и осознавал, – так это то, что не даст себя уничтожить. И более того, вырвется на свободу. Целостность купола была нарушена, и чужой корабль смял блестящим брюхом дом, словно картонную коробку. А это значило только одно: у пленника появилась возможность бежать. Глупо ею не воспользоваться.

Оллин подплыл к берегу пруда, туда, где растительность соседнего сектора нависала над водой, образуя козырек. Поднялся осторожно к поверхности, высунул наружу длинную морду, потянул ноздрями воздух. Пахнуло гарью,

новым пластиком, еще чем-то непонятным, но совершенно чужим. Он осторожно, стараясь не делать лишних движений, высунул голову полностью, все еще находясь под «козырьком» из сочной зелени.

– Ищите тварь! Идиоты! Хозяин приказал принести его голову!

Оллин помянул про себя ларха, о котором столько читал в сети. Он никогда не верил в богов, но ларх… Почему-то пользователи доступного кластера федеральной сети его упоминали постоянно, наверное, и сейчас его имя было весьма уместно. Похоже, кто-то там снаружи вспомнил о существовании узника и решил… довершить начатое?

Но отчего же только сейчас? Не тогда, когда Аси таскал пухлого младенчика или вылавливал его, барахтающегося в пруду? Почему дождались, пока младенец вырастет, возмужает и превратится из беззащитного создания во вполне себе опасного модификанта?

Он прислушался к крикам, осторожно выглянул, стараясь не высовываться из укрытия. По пятачку земли, на котором он привык жить в одиночестве, ходили люди. Мужчины в темных летных комбинезонах. Пятеро. Трое сунулись в то, что осталось от дома, двое, вцепившись в оружие, двинулись вдоль пруда к сектору с «джунглями».

– Может, он утонул? – спросил кто-то.

– Нет. Ищем. Наверняка засел в этой… оранжерее.

Оллин прищурился. Прикинул, сколько времени понадобится ему в этом состоянии, чтобы добраться до корабля, и опечаленно признал, что его успеют подстрелить. Модификанты быстры, быстрее обычных людей. Но когда против тебя пятеро убийц, да еще и вооруженных плазменными винтовками последней модели, шансов мало.

Он задумался. И едва не поймал плевок плазмы. Спасло только то, что инстинктивно дернулся в сторону, заряд прошел в нескольких миллиметрах от уха.

– Вон он! Я видел, вон, в кустах!

Стало ясно, что еще через несколько секунд укрытие превратится в пепел и осыплется в пруд. Надо было что-то делать, но Оллин не знал что. И не мог придумать ничего толкового. Разве что в самом деле выскочить из воды, убить ближайшего врага, возможно, успеть убить еще одного…

Иного выхода уже не было. Рано или поздно его найдут и пристрелят, и он превратится в агонизирующий обгорелый ком плоти – как несколькими минутами раньше Аси.

А потом вместе с дрожью по всему телу пришло понимание того, что лучше он умрет сейчас, чем проведет в своей тюрьме хотя бы еще несколько дней. Рывок – вперед и вниз, под воду. Несколько мощных взмахов перепончатыми лапами, разрезая длинной мордой толщу воды. Через несколько ударов сердца Оллин выскользнул из холодных объятий пруда, рванул дальше, подгребая когтями, вспахивая бороздами зелень газона. Кто-то закричал, шкуру опалило, но Оллин только ускорился. Внезапно стрелять перестали, а он даже не оглянулся. Всю свою силу, всю скорость вложил в рывок – до беспечно распахнутого люка корабля. За спиной кто-то крикнул, что-то жахнуло. Прокатилась еще одна обжигающая волна по коже. Оллин все же успел бросить назад один-единственный взгляд и вяло удивился тому, что прямо на джунгли тяжело опустился другой корабль, чуть поменьше. Теперь те, кто хотел его убить, палили по вновь прибывшему кораблю, а оттуда им в ответ прилетел еще один лохматый плазменный шар.

Число врагов стремительно сокращалось, но Оллин не стал ждать развязки. Распластываясь в прыжке, он нырнул в открытый люк, перекатился через голову и запредельным уже усилием ударил лапой по контрольной панели, активируя замок. Люк запечатало быстрее, чем он успел моргнуть, и, не задерживаясь, Оллин метнулся через небольшую кают-компанию прямиком к креслу пилота. Там было пусто, видимо, все прибывшие на корабле отправились убивать узника. Похоже, удача все же улыбнулась ему…

Оллин, задыхаясь, свернулся клубком, скрипнул зубами, ощущая изменения тела, а затем ползком, цепляясь человеческими уже пальцами за обшивку кресла, забрался в него. Положил руки на штурвал, помедлил секунду, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

Он хорошо знал этот тип кораблей, спасибо свободно распространяемым в сети тренажерам. Он несколько лет отрабатывал элементы управления. И теперь, оказавшись в пилотском кресле, уже не сомневался ни мгновения.

Взгляд в панорамное окно. Нападавшие разбросаны по лужайке и не шевелятся. Черные поломанные куклы. И пятна выжженной травы повсюду. А у кромки пруда – то, что осталось от Аси.

Те, которые прилетели позже, бежали к кораблю, что-то кричали, но Оллин не стал слушать. Играючи, словно в знакомой уже нейрореальности, прошелся по переключателям, убедился, что топливные стержни почти полны. Потянул на себя штурвал, задирая нос корабля, и вжал до отказа пусковую педаль.

Погорячился, конечно, с педалью. В кресло вдавило так, что вышибло воздух из легких и сердце затрепыхалось как пойманный в пруду серебристый карп. Но тут к процессу управления подключился собственный интеллект корабля, чуть сбросил ускорение, развернул над штурвалом голографическую карту.

– Обозначьте маршрут, – прошелестел механический голос.

Оллин помолчал, раздумывая. Беда в том, что он понятия не имел, где находится и куда лететь, чтобы преследователи, если таковые найдутся, отстали. Карта же… Разбросанные в трехмерном пространстве горошины планет, лохматые гиганты звезд. В тех частях, что не отмасштабированы, сумбурное плетение туманностей, замысловатые контуры галактик. Там, в тюрьме, Оллин так и не смог толком подобраться к информации о своем местоположении, и если обучающие нейропрограммы иной раз получалось воровать сквозь крошечное оконце, организованное в сетевом шлюзе, то со средствами навигации дела обстояли куда хуже. Точнее, вообще никак.

Небо снаружи стремительно наливалось темнотой, как будто Оллин благополучно покидал освещенную сторону планеты, уходя в ночь. Потом некоторое время корабль пронзал носом облака, и вокруг разлилось мутное марево.

– Предложи варианты, – наконец сказал он.

За панорамным окном уже разворачивался черный бескрайний космос с вкраплениями звезд, кое-где перехлестнутый цветными пятнами туманностей. Оллин почувствовал, как глаза защипало. Не верилось в то, что постылый пятачок почвы, накрытый куполом, остался в прошлом. И одновременно удушающей волной накатил страх. Ведь теперь он… по-прежнему один, но уже не в безопасной тюрьме. Вокруг пустота. Любая оплошность равносильна смерти.

– Нода Федерации, идентификатор ID5067890, расположена в трех гиперпрыжках от позиции, – вещал голос корабля.

– Ранжировать по удаленности от центра, – брякнул наугад Оллин.

– Федерация не имеет центра, – возразил интеллект корабля голосом строгого учителя, – принципы Федерации заключаются в равноправии нод.

– Хорошо… – Оллин помялся, – тогда ближайшая обитаемая планета за пределами Федерации.

Динамики щелкнули, что-то зашуршало, словно невидимый собеседник углубился в перелистывание справочника.

– Эрфест, шесть гиперпрыжков.

– Энергетическое обеспечение корабля?

Снова тихий шелест.

– Уровень энергетического обеспечения рассчитан на двадцать гиперпрыжков. Затем требуется дозарядка.

– Тогда цель – Эрфест, – сказал Оллин.

– Рекомендую пристегнуться, – тотчас отозвался корабль, – между пятым и шестым гиперпрыжком будет двухчасовой перелет в режиме реального времени, возможен отдых.

Оллин не стал сопротивляться. Продел руки в ремни, щелкнул на груди застежкой.

Корабль определенно готовился к первому гиперпрыжку. Корпус начал вибрировать, едва слышимый гул двигателей усилился. Колючие точки звезд на фоне черного космоса резко надвинулись, размазываясь в дрожащие линии.

«Вот и все, – подумал Оллин, – свободен».

И рассмеялся.

Он смеялся, потом смех перешел в сдавленные рыдания. Совершенно голый, в чужом кресле пилота, на чужом корабле, несущемся сквозь тысячи световых лет на неизвестную планету. На сердце было легко, как будто он только что сам обрел крылья… А потом придавило тяжелой вязкой печалью. Оттого, что никогда больше не увидит Аси, единственное близкое существо во всей вселенной.

?

То, что гиперпрыжки та еще дрянь, Оллин понял сразу. Состояние было паршивым: головная боль и легкая, но постоянно о себе напоминающая тошнота. Каждый прыжок – часа по два корабельного времени. Один за другим, без перерывов. И потому после пятого гиперпрыжка, когда звезды вокруг приобрели обычный вид забитых в бархат разноцветных гвоздиков, Оллин кое-как выбрался из кресла и попросту улегся на пол.

Ему хотелось пить. Он облизнул пересохшие губы, язык словно терка. В правом виске стреляло. Несмотря на то что внутри корабля поддерживалась оптимальная температура, отсутствие одежды не добавляло комфорта, это точно.

А потом Оллин вспомнил.

О том, как Аси рассказывал ему, маленькому, историю о мужчине, корабль которого разрушился в шторм, а самого его выбросило на необитаемый остров. Тогда Оллину эта история понравилась настолько, что он некоторое время

воображал себя таким же потерпевшим бедствие. В конце концов, у Робинзона был Пятница, а у него, Оллина, Аси. В секторе джунглей так и остался построенный на дереве домик. Но игры хватило на месяц. А потом снова вернулось желание биться лбом в защитный купол до тех пор, пока мир вокруг не погаснет.

Все еще лежа на полу, Оллин медленно обвел взглядом кают-компанию.

Отделка дорогая. Два пухлых дивана. Дальше и ближе к люку небольшая дверца с сенсорным замком. Оллин как будто возвращался в прошлое и снова вопреки всему – рассудку, памяти – начинал чувствовать себя доисторическим Робинзоном. Только теперь он был узником не острова, но чужого корабля.

– На борту есть вода? – произнес Оллин в никуда, надеясь, что интеллект корабля отреагирует должным образом.

– Разумеется, корабль имеет запасы жизнеобеспечения экипажа, – доброжелательно откликнулся шелестящий голос.

– Дай мне воды, – попросил Оллин, – и… еды.

В спину мягко толкнуло, он откатился в сторону. Оказалось, что как раз между диванами, где разлегся Оллин, из пола поднимался металлический столик. Потом поверхность его раскрылась, словно коробка, и Оллин получил поднос, полный брикетов и запечатанных металлизированной пленкой контейнеров. Но самое главное, тут была пластиковая бутылка воды. Он схватил ее, сорвал крышку и долго и жадно пил, пока не осталось совсем немного на донышке. Потом порылся в брикетах, поймал себя на том, что получает удовольствие уже от того, что ощущает пальцами новые материалы. Шелестящие цветные обертки. Аси всегда подавал пищу только что приготовленную, горячую. Наконец Оллин выбрал контейнер, на котором значилось «Салат Тирана Арруха», осторожно вскрыл. В ноздри ударил совершенно новый, незнакомый аромат специй. Он принюхался, внимательно осмотрел кусочки белого мяса и овощей. Сбоку к контейнеру крепилась пластиковая ложка, и ею-то Оллин и воспользовался.

Боль и тошнота медленно отступали. Он поднялся, прошелся туда-сюда по тесному помещению, снова глянул на закрытую дверцу.

– Что там? – спросил у корабля, указывая на интересующий объект.

– Одежда и оружие, – прошелестело в ответ.

– Открывай.

Он заглянул в подобие маленькой кладовки с трепетом человека, откопавшего старинный сундук. Содержимое не разочаровало: несколько легких, но прочных комбинезонов, совершенно новых, затянутых в упаковочную пленку. Две винтовки и с десяток зарядных капсул к ним, светящихся ядовитой зеленью. Оллин с удовольствием покрутил винтовку в руках. Нейротренажер, конечно, позволяет научиться стрелять, причем с вполне реальными ощущениями, но в искусственной реальности и близко не испытаешь ощущений прикосновения к матовому, чуть шершавому сверхпрочному пластику приклада. Оллин провел подушечками пальцев по хромированному стволу винтовки, покачал головой. Наверное, это выглядит со стороны странно и смешно, когда здоровый двадцативосьмилетний мужчина сперва радостно щупает брикеты с едой, а потом – винтовки. Он поймал себя на том, что не прочь точно так же, тактильно, обследовать всю кают-компанию. А что будет, когда наконец встретит гуманоидов? Их тоже будет ощупывать и обнюхивать?

Оллин вздохнул, с сожалением отставил винтовку и взялся за одежду. Графитово-серый, тускло блестящий комбинезон был сшит из довольно тонкой, шелковистой на ощупь ткани и пах новым пластиком. Оллин кое-как натянул его на себя, штанины и рукава оказались коротки, но уже через несколько минут, нагревшись от тепла тела, ткань как будто растянулась, и плотные манжеты удобно сели на запястья. На рукаве костюма Оллин прочел: «Делайн инкорпорейтед».

Вот бы узнать, это производитель костюмов? Или же люди, пришедшие убивать, имеют непосредственную связь с этим Делайн?

«А если Делайн – это тот, кто хотел тебя убить? Или, что еще хуже, тот, кто всю жизнь продержал тебя взаперти, словно зверушку? Что тогда?»

Оллин невольно улыбнулся.

Тогда… о, тогда господину Делайну не поздоровится.

– Рекомендую пристегнуться, – произнес корабль, – гиперпрыжок в процессе подготовки. Точка выхода – орбита планеты Эрфест.

?

Эрфест с орбиты казался совершенно необитаемой планетой. Никаких вмешательств человека, что есть – все сотворила природа. Оллин, полулежа в кресле и гоняя во рту найденный мятный леденец, пролистывал корабельный планшет на предмет сведений об Эрфесте, и чем больше листал, тем больше планета ему нравилась.

Никаких привычных технологий.

Даже радиосети нет.

А что еще нужно человеку, который хочет стать незаметным хотя бы на время?

Ни фабрик, ни мануфактур. Развитие цивилизации… Да и нет ее в том понимании, к которому привык Оллин. На клочке одного материка планеты нечто вроде первобытно-племенного строя. На другом, побольше – государство с централизованным управлением, занявшее обширную плодородную долину в дельте большой реки. И в долине, зажатой в кольце гор, – феодализм с присущей ему раздробленностью и мелкими дрязгами между царьками.
И никаких вам терраполисов, и никаких индустриальных зон. Жалкие людские поселения в тисках здешней суровой природы. Шаг вправо – лес и хищные звери, шаг влево – голые скалы, шаг еще куда-нибудь – пустыня. Да и какие здесь люди… Оллин хмыкнул. Так, что-то вроде примитивных зверушек. Знания убогие, и вся жизнь убогая и короткая.

Такая же убогая, как у него самого.

Оллин прищурился на развернутую трехмерную карту Эрфеста. Можно было сесть где-нибудь в укромном уголке планеты так, чтоб никто и никогда не увидел. Но ему хотелось… неуемное, возможно, глупое желание – увидеть других людей. Не на экране, а вживую. Пусть грязных, примитивных, но все-таки

живых. Настоящих.

И он решился. Та часть мира, где люди развились до состояния феодализма, лежала ближе к северному полюсу планеты. Там всюду были кудрявые шапки лесов, в нескольких местах разбитые невысокими горными хребтами. Блестели узкие синие ленты рек и небольшие плошки озер. Оллин потянул на себя изображение, меняя масштаб. Одно место ему особенно приглянулось – река, озеро. На одном берегу озера, том, что высокий и обрывистый, – вроде как город, нагромождение каменных строений, а на другом близко к воде подступает вековой лес, среди которого выглядывает холм с лысой вершиной. И Оллин подумал, что склон холма смотрится вполне дружелюбно. С одной стороны, вряд ли люди будут ходить туда сквозь лесную чащу. С другой – сам он, обратившись, вполне может добраться до озера, а там и до города рукой подать.

Оллин пощелкал переключателями. Он все не мог нарадоваться, что в свое время у него хватило ума накачать себе программ-нейротренажеров, а потом обучиться на них не только управлению небольшим кораблем, но и основам информационных операций, и некоторым приемам рукопашного боя. Нейротренажер обеспечивал полное погружение в действительность. Даже пинки, получаемые от врагов, потом неделями ныли и сходили уродливыми сизыми пятнами.

А теперь вот – хвала милосердной Лакшми – все это пригодилось.

Единственное, пожалуй, что немного беспокоило Оллина, так это отсутствие денег. Рано или поздно ему придется дозаправлять корабль. Не будет же он торчать на этой планетке, населенной примитивами, всю жизнь? Впрочем, нужно поискать. А вдруг кто-нибудь оставил карточку с федеральными кредитами?

Между тем корабль едва ощутимо задрожал, входя в плотные слои атмосферы. Где-то загудели генераторы охлаждения, зашумели тормозные двигатели. Поверхность Эрфеста стремительно приближалась. Зелено-синяя, чистая, как будто умытая. Уже перед посадкой Оллин заметил, что верхушки деревьев колышутся легкими волнами. Это означало, что там, снаружи, ветер. И отчего-то снова кольнуло застарелой болью. Там, где его держали, никогда не было ветра. Была только упругая теплая медуза с великолепным интеллектом. Аси. Видение, ком обугленного силикона с дрожащими проводками и тонкими пружинками, намертво впечаталось в сетчатку, и Оллин с тоской подумал о том, что вот – садится он на незнакомую, но хотя бы невраждебную планету, а сердце

все равно ноет, и ноет противно, и руки вспоминают прикосновения к мягким ребристым щупальцам. Воспоминания въелись намертво, не вытравить их, не стряхнуть в дорожную пыль. И глазам горячо и больно, щиплет их противно, а из горла рвется тоскливый вой.

«С ума сошел, – вяло ворочались мысли под стенками черепа, – ты наконец свободен. Чего теперь разнылся? Ассистента пожалел? Так ему даже больно не было».

Но какая-то иррациональная часть сознания нашептывала, что – было. Потому что если Аси не мог ничего чувствовать, то не гладил бы по голове плачущего мальчугана, осторожно и трепетно обнимая щупальцем за плечи и прижимая щекой к холодному овальному экрану.

Лес, холм надвинулись на панорамное окно почти мгновенно.

Корабль выпустил посадочные упоры, и шум двигателей стал глохнуть.

Полет окончился.

Глава 2

Добропорядочная жена

…Добропорядочные жены не убегают от мужей в лес. Добропорядочные жены предпочитают терпеть побои и прятаться по пыльным углам, словно крысы.
И ведь на самом деле неясно, что хуже – несколько свежих синяков и выбитые зубы или Про?клятые, что тенями бродят среди старых дубов.

Сон с драконом оказался вещим, ничего хорошего… Айрис бежала. Поскальзывалась на влажной тропе, падала, кое-как поднималась и снова бежала. Хватая ртом раскалившийся вдруг воздух, прижимая к груди левую руку. А в ушах все еще звучал рев мужа: «Убью, тва-а-а-арь!»

Она ведь честно терпела, ибо да убоится жена мужа, да подставит спину свою под плеть и длань мужнину. Терпела до рождения Микаэла, терпела после. Потом молоко пропало, пришлось искать кормилицу. Барон Ревельшон впечатлился размерами груди последней и… в общем, ее не бил. Всю злость оставлял дорогой жене. Сына, правда, не трогал – да и что тут трогать, только второй год пошел Мике, единственному наследнику. Почему-то получилось, что только Айрис и смогла родить чудовищу младенца.

Айрис перешла на шаг, задыхаясь. Прислушалась. Погоня вроде бы отстала, лишь где-то вдалеке трепетали крики и лошадиное ржание, запутывались в густых ветвях, цеплялись за вспученные корни и таяли, таяли…

Ничего. Она пересидит здесь до темноты, а потом вернется тихонечко… Если бы не Мика, то никогда бы, лучше волкам на съедение. Но – Микаэл, его маленькие пухлые ручки, пахнущие молоком, мягкие волосики, которые торчат смешным хохолком на макушке. Она постоянно вглядывалась в личико малыша с трепетом, каждый раз ожидая увидеть в нем черты барона. Но пока что Мика был до ужаса похож на нее. Возможно, именно это мужа и бесило.

Айрис опустилась на мох под деревом и закрыла глаза, давя рвущиеся на волю рыдания. Рука стремительно наливалась пульсирующей тяжестью, ее как будто распирало изнутри. Айрис посмотрела на нее – кисть начинала походить на багрово-синюшную подушку, а любая попытка шевельнуть пальцами отзывалась продирающей до позвоночника болью, такой сильной, что перед глазами свет меркнул.

Скотина. Проклятая тварь. Похоже, рука была сломана.

И этот простой вывод оказался последним камешком в чаше терпения. Айрис обмякла, прислонившись к стволу, и попросту тихо завыла.

Почему с ней все так?

Двуединый, почему родители продали ее, одну из шести своих дочерей, в семнадцать лет?

Почему решили, что нет для дочери судьбы лучше, чем стать баронессой Ревельшон, хотя все и так знали, что трех предыдущих своих жен чудовище

забило до смерти?

А ведь тогда за ней ухаживал сын оружейника из лавки напротив. Милый, такой юный и чистый. Но родители распорядились иначе. Им ведь надо было собирать приданое для других дочерей и что-то оставить младшему из детей, самому любимому и единственному сыну Арнишу. Дочери – разменная монета. Сын все-таки наследник, с этим не поспоришь. Так уж заведено, что мальчиков любят, а девочки – обуза и сплошные неприятности. Поэтому, когда барон обратил свой взор на Айрис, ее попросту обменяли на сундучок с золотыми монетами. Отец устало махнул рукой, ему просто тащить на шее меньше девок, а вот матушка… Любимая когда-то матушка даже радовалась. Как же глупо…

Айрис выла, раскачиваясь из стороны в сторону. И теперь уже она и не знала, что делать дальше. Если вернется в замок… И если к тому моменту барон не напьется – точно прибьет.

Но в замке остался ее ангелок, такой же белокурый и светлокожий, как и она сама. Совершенно непохожий на своего отца. И от осознания того, что вернуться все же придется, перед глазами темнело, а во рту собиралась горькая, с привкусом желчи слюна.

Баюкая распухшую руку, откинувшись спиной на шершавый ствол, Айрис пыталась думать. Все это… просто не могло больше продолжаться. Муж ее убьет рано или поздно. А она?.. Жить все равно хотелось. Мике будет плохо без нее. Кормилица, конечно, добрая женщина, но не пожалеет, не приголубит, как родная мать. Да и теплилась надежда, что, быть может, она понесет второй раз, и тогда? А что тогда? Айрис замотала головой и стиснула зубы. Беда в том, что она не хотела больше детей. Не хотела видеть самодовольную, сальную ухмылочку на лице мужа. К своему ужасу и стыду ей очень хотелось, чтобы ему было так же больно, как и ей.

Мысли, обежав круг, вернулись к вопросу о том, как незаметно попасть в замок и что нужно предпринять, чтобы благочестивый Рато Ревельшон не овдовел еще раз.

«Надо пожаловаться патеру Сколту, – внезапно подумалось Айрис, – он хороший человек и, хоть и не пойдет против Рато, возможно, уговорит его быть милостивым к матери единственного наследника».

Идея про патера ей понравилась. Благообразный и серьезный, патер выслушивал ее исповеди с таким искренним и сердечным состраданием, что Айрис убедила себя: когда он увидит распухшую и посиневшую руку, обязательно поговорит с мужем. Припугнет его небесными карами, наконец. Нельзя же так… с собственной женой. Смущало немного то, что патер знал о том, что барон скор на расправу, и при этом ничего ему не говорил. Но до сего дня ведь были просто синяки и разбитое лицо. А нынче вот… рука.

Айрис вздохнула. После слез накатывала усталость. Хотелось свернуться клубочком у корней дуба, закрыть глаза и наконец побыть одной среди баюкающих шорохов леса. Не возвращаться никогда. Но в замке остался ее Мика, ее шелковое сокровище, ее ниточка, последняя, что соединяла ее с этим миром, не давая затянуть петлю на шее. Поэтому… в замок придется вернуться.

Айрис вытерла глаза и огляделась. Несмотря на то что день был в разгаре, под кронами вековых дубов царил сумрак. Пахло сыростью и травой. Неподалеку журчала вода, наверное, родник. Айрис покрутила головой, озираясь. Она и сама не понимала, что ее так настораживает. Все казалось привычным – где-то рядом веселый ручеек, шелест листьев в густых кронах… И все равно что-то было не так. Странное, необъяснимое чувство… как будто за ней внимательно наблюдают. И все вокруг словно замерло. А потом густой душной волной накатил страх, дышать стало нечем, и Айрис несколько минут просто хрипела, с трудом втягивая воздух.

Она так бежала, так старалась уйти от гнавшихся за ней на лошадях мужа и его егеря, что впопыхах не заметила, как свернула не туда. А теперь что? Бежать отсюда, пока не попалась на обед Проклятым.

И не отпускает это ужасное, давящее чувство чужого внимания, словно она, Айрис, стала крошечной козявкой, и некто страшный и могущественный держит ее на ладони, рассматривая и думая – придавить или отпустить?

Айрис откинулась головой на ствол.

Ну почему, почему именно ей не везет настолько, что угораздило свернуть в Проклятый лес? Никто не ходил сюда по доброй воле, потому что, как правило, те, кто отваживался на это, не возвращались. А если и возвращались, то уже не людьми. И что с ними делали Проклятые, было неведомо.

Она все еще боролась с паникой, озиралась по сторонам.

Ощущение, как по коже скользит чужой взгляд, никуда не пропало. Но ведь… никого рядом? Возможно, она еще успеет уйти?

Однажды кузнец из их переулка искал своего мальчишку, Зольку. Тот ушел за грибами и пропадал несколько дней. Думали, уж никогда не вернется. А когда вернулся, все решили – лучше бы и сгинул там. Потому что пришел Золька домой уже не тем, кем уходил. Что-то с ним было не так. И странные знаки были начертаны на запястьях. Живые знаки, они то проступали пятнами, то вытягивались в линии, то складывались в замысловатый орнамент. Отец Зольки хотел сам его убить, но не дали служители Двуединого. Схватили Зольку, чтобы зашить в мешок и бросить в озеро, как всегда поступали с теми, кто избран проклятием. А мальчишка взял и вспыхнул так, что пламя взвилось до неба. Разворотил два дома, раскидал углями. Сам рассыпался пеплом и с собой забрал еще десятерых.

Айрис всхлипнула и поднялась на ноги. Тут же закружилась голова, а в поломанной руке забухало болью с новой силой.

«Надо идти, – сказала она себе, – к патеру. Он поможет».

Потом конечно же ей придется вернуться в замок. Она не могла украсть Мику, его слишком хорошо охраняли, а кормилица тоже дорожила собственной жизнью. Да и если бы могла забрать своего ангелочка, куда бы с ним пошла? В отчий дом нельзя, там будут искать, да и отец не пустит. Прислуга с ребенком на руках тоже никому не нужна. Оставался местный дом развлечений, но, во-первых, там ребенок тоже особо никому не был нужен, а во-вторых, при одной только мысли о том, что с ней там будут делать разные мужчины, Айрис покрывалась ледяным потом. Наверное, только во сне и бывает приятно. Так уж получилось, что барон в самом начале продемонстрировал Айрис все то, что праведные мужья делают с женами. Айрис теряла сознание от боли и омерзения, и поэтому… нет. Лучше вернуться в замок и быть просто ненужной вещью, чем туда, где иллюзорная свобода и мужчины. Да, ненужной вещью, но все же вещью, вопреки всему произведшей на свет наследника.

Айрис медленно побрела в направлении, откуда, как ей казалось, она пришла.

Время от времени она оборачивалась убедиться, что никто не идет следом. А тяжелый взгляд буравил спину, жег меж лопаток.

За спиной хрустнуло. Обмерев, Айрис медленно обернулась.

«Нет, это не может быть со мной», – успела подумать она.

Прямо в двух шагах, посреди леса, маячил высокий силуэт, замотанный по самые глаза в длинный плащ. Как он подкрался так неслышно?

Вмиг задохнувшись от ужаса, Айрис все еще рассматривала его. И ничего не было видно в густой тени капюшона, только кошмарные оранжевые отблески радужек.

– Нет, – выдохнула она, – пожалуйста… не надо…

Ей послышалось, что Проклятый хмыкнул.

Покачал головой.

Потом медленно, уверенный в том, что жертва и так никуда не денется, поднял руку. Айрис увидела, как на раскрытой ладони пульсирует живой синий огонь, и этот огонь вдруг метнулся к ней, поплыл радужным пузырем, охватывая тело. Странно. Больно не было. Скорее неприятно, как будто она утопала в заливном из поросенка. Потом все вокруг поплыло, смазалось. Мимо скользнули коричневые стволы, взгляд уперся в старый трухлявый пень. И все это как сквозь мыльную пленку.

«Нет, пожалуйста, только не со мной».

И эта мысль исчезла, втянулась с хрустом в ледяную беспроглядную темень.

?

Мутная пелена беспамятства отступала. Медленно и неохотно, но все же растекалась тонкими вязкими нитями, обнажая действительность. Айрис

покрутила головой, подумала, отчего так сильно болит шея. Туман в голове рассеивался, и она вспомнила, как Рато хотел ударить ее кочергой, а она выставила вперед руку. Дальше пыхнуло болью, перед глазами потемнело, и вот она уже бежит, мимо вскачь несутся серые каменные стены с цветными пятнами плесени. За спиной – рев разъяренного барона, стук лошадиных копыт. «Стой! Куда? Убью-у-у!» Куда? Да хоть куда-нибудь, хоть в лес, лишь бы не достал. Подвывая от боли и ужаса, здоровой рукой дернуть калитку, выскочить на отсыпанную ракушечником дорожку. Лес тут подступает почти к самому замку, надо только пересечь полосу, где давным-давно выкорчевали деревья.

«Лес, – подумала Айрис, – я была в лесу».

И вспомнила окончательно черный мужской силуэт, поднятую руку, пляшущий шар синего пламени в раскрытой ладони.

От страха тело мгновенно сделалось ватным, и в горле пересохло. Айрис дернулась неосознанно, в предплечья, в шею, в бедра тут же впились ремни.

Привязали.

Она распахнула глаза, с губ сорвался сиплый стон. Закричать не получилось. Прямо над ней, распростертой на чем-то жестком и ровном, стоял Проклятый и с кривой полуулыбкой смотрел на нее.

Айрис просто задохнулась от ужаса. Все. Это был конец, самый настоящий. И вообще не было смысла убегать из замка, потому что там бы ее забил насмерть Рато, а теперь выпьет всю кровь древнее зло. А у зла, оказывается, было лицо, и вполне себе человеческое. Только кожа угольно-черная, на лбу и щеках – темно-синие узоры, то ли нанесенные краской, то ли выросшие под кожей. И радужки ярко-желтые, и зрачок узкий, змеиный, и на лысой голове как будто костяной гребень, формой похожий на корону.

Проклятый что-то сказал. У него был приятный голос. Синие узоры на его лице посветлели, мягко замерцали. И Айрис вдруг поняла все то, что он сказал. Невозможно. Проклятые не могут разговаривать на том же языке. Да он и не говорит на том же, с его губ срываются новые слова и звуки, которые – вот чудеса! – понятны.

– Неплохие характеристики, – усмехнувшись, произнес Проклятый, – возможно, переживешь имплантацию. Тебя развяжут, дадут одежду, поживешь пока здесь несколько дней. А потом мы продолжим.

«Я его понимаю. Понимаю!» – Айрис бултыхалась в своем ужасе, кровь стыла в жилах, и тут бы просто потерять сознание и окунуться в спасительную тьму, но… не получалось. Наоборот, мысли прояснились – от отчаяния и осознания безнадежности происходящего. И внезапно Айрис окутало спокойствие. Такое спокойствие бывает у людей, с которыми уже произошло все самое страшное.

Она посмотрела еще раз на Проклятого.

Он был одет в черный облегающий комбинезон из неизвестного Айрис материала, под тканью прорисовывались хорошо развитые мышцы.

«Черный на белом», – мелькнула глупая мысль, и она же показалась Айрис внезапно забавной.

Они находились в совершенно белой комнате с такими гладкими стенами, каких Айрис отродясь не видела. А еще у стены, сразу за широкими плечами Проклятого, виднелись странные белые короба, испещренные светящимися точками. Красными, зелеными, синими. Они мигали, и в тот момент, когда гасла или загоралась очередная точка, в недрах коробов что-то тихо и тонко попискивало.

Взгляд снова вернулся к Проклятому.

Интересно, когда он будет пить ее кровь?

Или зачем еще она им?

Снова вспомнился бедный Золька, его загорелые, покрытые царапинами и ссадинами руки, и узоры на запястьях сродни тем, что на черном лице Проклятого.

– Зачем я вам? – прошептала Айрис.

По коже прошелся холодок. Сама того не осознавая, она произносила незнакомые прежде слова, и они внезапно обретали смысл.

Она, прости Двуединый, говорила на языке Проклятых. Но… откуда? Почему? Нет ответа…

Орнаменты, странно вплавленные в черную кожу, мягко засветились.

– Еще рано, ты не готова узнать. Если выживешь, мы тебе расскажем.

– А вы… кто?

Глупый вопрос. Она ведь и так знает кто. Патер Сколт очень любил рассказывать, что в начале времен это было племя, блуждающее по миру и отринувшее Двуединого, за что он их проклял и принудил жить только под сенью лесов, не показываясь возлюбленным чадам его.

Зрачки в глазах Проклятого, и без того узкие, вытянулись в ниточки.

– Любопытная девочка, – пробормотал он, и Айрис, к собственному ужасу и одновременно восторгу, осознала, что действительно понимает. Абсолютно все понимает.

– Мы – поддержка, – с улыбкой ответил Проклятый, – но об этом поговорим чуть позже, когда будем уверены в том, что твое тело принимает все изменения.

– Отвяжите меня, – попросила Айрис, – я никуда не убегу. Мне… больно.

– Кто тебе руку сломал? – совершенно спокойно поинтересовался Проклятый.

– Это… муж. – Голос дрогнул, и Айрис поняла, что стремительно краснеет.

Глупо это было. Неподобающе вел себя Рато, а стыдно стало ей.

Впрочем, она наверняка и в самом деле была никудышней, очень плохой женой. Ведь хороших не бьют, хороших, наверное, любят и всячески балуют.

Ее ответ, казалось, изрядно позабавил Проклятого. Его тонкие губы растянулись в усмешке, он покачал головой, все еще пристально рассматривая Айрис. А она так и не поняла, что смешного было в ее ответе. Наконец Проклятый проговорил:

– Хорошо, я тебя развяжу и дам одежду. А потом отведу в твою комнату. Но обещай, что не будешь делать глупостей. Пока не можем гарантировать результат. Вообще ничего не можем гарантировать.

– Обещаю, – незамедлительно прошептала Айрис.

А сама подумала, что найдет любую возможность, чтобы сбежать. Там, в замке, ее ангелок, ее ласковое солнышко. Она сбежит, обязательно, и только ради него.

Проклятый повернулся к ней спиной, что-то нажал на белых коробах, и Айрис почувствовала, что свободна.

Свободна… и совершенно голая.

Снова накатил мучительный стыд – оттого, что лежала тут Двуединый ведает сколько, выставленная напоказ, и что все пялились на ее худое, костлявое тело. Единственное в округе тело, способное родить наследника барону. От мысли о том, что, возможно, к ней прикасались, все внутри заледенело, взялось болезненным комом. Айрис прислушалась к собственным ощущениям и с удивлением отметила, что у нее ничего не болело. Ни-че-го.

Она села. Как выяснилось, до этого она лежала на узком и длинном столе, таком же белом, как и все остальное. Непроизвольно закрыла руками грудь. Посмотрела на руку, которая еще совсем недавно походила на багрово-синюшное бревно. От перелома не осталось и следа.

«Но как? Как можно вылечить перелом за столь короткое время?»

И тут же одернула себя.

Она понятия не имеет, сколько часов или дней вот так провалялась здесь, под присмотром этих нелюдей. И вообще совершенно неясно, что они могли с ней проделывать…

На колени плюхнулся прямоугольный плоский блинчик, светло-серый.

– Одевайся, – сказал Проклятый.

Айрис непонимающе уставилась на блинчик, затем на мужчину. И как, спрашивается, она должна это надеть?

Черное лицо дрогнуло в раздражении. Он сам взял то, что называл одеждой, резко дернул в разные стороны – что-то хрустнуло, как будто тыкву раздавили. И встряхнул, разворачивая на весу, длинную сорочку.

– Все время забываю о том, насколько у вас все примитивно.

Айрис взяла в руки предлагаемую одежду и торопливо нырнула головой в ворот. Голой она чувствовала себя совершенно беззащитной. Сорочка, правда, оказалась такой мягкой и тоненькой, что однозначно обрисовала все контуры тела. Щеки снова налились жаром. Почему нельзя дать нормальную сорочку? Не такую, в какой она чувствовала себя шлюхой.

«Как есть шлюха, – непременно сказала бы матушка, – хороших жен не бьют».

– Следуй за мной. – Проклятый бесцеремонно вклинился в ее мысли.

И они пошли.

Как оказалось, за пределами белой комнаты располагался такой же чистый и белый коридор. Айрис с удивлением посмотрела себе под ноги, похоже, шла она по ковру, которым был выстлан весь пол. По чистому мягкому ковру цвета небеленого льна. Она посмотрела в широкую спину идущего впереди Проклятого. Мелькнула совершенно крамольная и неуместная мысль о том, что, если бы не черная кожа, змеиные глаза и гребень на голове, это был бы самый обычный мужчина. На языке вертелся вопрос о том, за что их проклял Двуединый, и Айрис не удержалась. В конце концов, пока что с ней обращались

очень даже сносно, так отчего бы не спросить.

– За что вас проклял господь? – тихонько спросила Айрис.

Мужчина остановился, обернулся и посмотрел на нее с легкой полуулыбкой.

– Он нас не проклял, он нас избрал, – таков был ответ.

– Для чего избрал? – Айрис вдруг поняла, что тонет в этих странных и страшных глазах, что ее почти ощутимо затягивает туда, где тьма и еще что-то запретное, то, чего знать добропорядочной и богобоязненной женщине нельзя.

Узоры на коже Проклятого посветлели, сделались почти белыми.

– Если не умрешь в ближайшее время, возможно, из тебя выйдет толк, – миролюбиво заметил он. – Идем, я покажу тебе твою комнату.

?

Комната оказалась маленькой, шагов пять в длину и три в ширину, не больше. Айрис невольно замерла в пороге, взгляд заполошно метнулся к узкой, аккуратно застланной койке в углу, затем – к довольно широкому, но, увы, забранному тонкой решеткой окну. Айрис сперва думала, что оконные проемы пусты, но затем рассмотрела, что в рамы были вставлены огромные куски совершенно плоских стекол, невероятно прозрачных, так что вообще было непонятно, как нелюдям удалось их изготовить. Окна-то в замке были застеклены мутными кругляшами, сквозь которые едва сочился дневной свет.

Проклятый легонько подтолкнул ее в спину, вынуждая сделать шаг вперед, а затем и сам скользнул в комнату, которая с его появлением стала казаться совсем крошечной. Мощная фигура нелюдя заняла все свободное пространство.

– Не бойся. – Его голос был спокоен, как равнинная река. – Здесь ты проживешь некоторое время.

Айрис только плечами пожала. Губы дернулись в горькой усмешке.

Она ведь не может себе позволить здесь остаться. Ей нужно в замок, туда, где ее малыш. Кормилица Маараш с рук его не спускает, но… Это же все-таки ее, Айрис, мальчик. С пухленькими ручками и ножками, весь как будто шелковый, пропахший молоком.

В этот миг она почти ощутила, как он гладит ее по лицу теплыми мягкими ладошками, горло сжалось в спазме, а глаза защипало.

– Отпустите меня, – хрипло попросила Айрис, – если вы не забрали мою жизнь, позвольте мне вернуться домой.

Проклятый стоял, повернувшись к ней спиной, и Айрис увидела, как дрогнули, напряглись широкие плечи. Потом он медленно обернулся, посмотрел на нее сверху вниз. В желтых глазах плавала смесь досады и разочарования.

– Зачем тебе домой, женщина? – помолчав, спросил Проклятый. – Чтобы твой муж тебя убил?

– Нет, – она мотнула головой, торопливо вытерла рукой глаза, – мой сын, мне надо к моему мальчику.

Проклятый сложил руки на груди.

– Но это невозможно. Ты уже никогда не вернешься туда.

«Вернусь», – упрямо подумала Айрис.

Внезапно ею овладело дикое, почти неконтролируемое желание броситься к выходу из комнаты, попытаться оттолкнуть в сторону нелюдя и драться, царапаться, кусаться до тех пор, пока не окажется на свободе.

Айрис сжала кулаки так, что ногти больно впились в кожу ладоней.

Не шевелись, Айрис. Стой, где стоишь. Если бросишься в драку сейчас – тебя снова привяжут. Да и доверия больше не будет. Трудно, невероятно тяжело, а ты все равно стой и делай вид, что тебе все равно. Потому что только так будет возможность вернуться.

– Ты забудешь ребенка и никогда больше о нем не вспомнишь, – спокойно пояснил Проклятый, – если через три дня ты еще будешь жива, то дальше все будет проще.

Айрис захотела подойти и плюнуть ему в лицо. Да как он смеет говорить такое? Неужели он думает, что она может забыть свое маленькое сердечко?

Но она лишь натянуто улыбнулась и заставила себя покрутить головой.

– А где здесь… мм…

Кажется, Проклятый понял, о чем она хочет спросить.

Он подошел к койке, указал на спинку.

– Вот, посмотри. Желтая кнопка – туалет. Синяя – душевая. Вода включается, как только зайдешь в кабину.

Айрис только моргнула. Слова «туалет» и «душевая» были ей совершенно незнакомы.

– Ну, смотри. – В голосе Проклятого снова появились нотки раздражения.

Он сам нажал на желтый круглый выступ на изголовье кровати, который назвал кнопкой. И тут же смежная стена сложилась узкой гармошкой, отъехала в сторону. Айрис непонимающе уставилась на белоснежное нечто округлых форм. Проклятый вздохнул.

– Подойди, посмотри поближе.

Она подчинилась. Сооружение очень сильно напомнило ей привычное отхожее место. Только чистое очень.

– Желтая кнопка, – повторил Проклятый, – теперь душевая, синяя кнопка.

Стена послушно разложилась, и теперь съежилась уже с другой стороны, открывая проход в крошечный угол, огражденный матовыми стенками.

– Иди, смотри, – как-то устало произнес тюремщик Айрис, – дверцы сами открываются.

Она только сунула голову внутрь, как откуда-то сверху брызнула теплая вода. Окатила упругими струями, и Айрис, взвизгнув от неожиданности, отскочила подальше, отряхивая воду с волос и с ужасом понимая, что намочила рубашку, а новую вряд ли дадут.

Она подняла взгляд на Проклятого. Тот наблюдал за ней совершенно невозмутимо, как будто у него каждый день тут скакали и визжали мокрые девки.

– Располагайся. – Он ухмыльнулся, окинул Айрис пристальным взглядом. – Через час будет обед.

И ушел.

Айрис забралась на койку с ногами, укрылась легким покрывалом и, привалившись спиной к высокому изголовью, устало закрыла глаза.

Надо было что-то делать. Бежать отсюда. Но как?

Мысли путались.

Слишком много нового, непонятного.

А самое главное – почему она понимает речь Проклятых, да еще и сама заговорила на их же языке?

Айрис обхватила себя руками, мимоходом обратила внимание на следы от уколов как будто иглой на внутренней стороне локтевых сгибов.

«Я выберусь отсюда», – решила она.

Чего бы это ни стоило. Ведь там, на руках кормилицы, ее мальчик. Прекраснее всех на свете. И два зуба, маленьких и крепких, уже выросли.

Не вытерпев, Айрис вскочила на ноги, выглянула в окно. За прозрачными стеклами почти сразу начинался лес. Беда только в том, что она не имела ни малейшего понятия, в какую сторону бежать к замку. Ну и решетка, тонкая, но, видать, прочная.

– Мика-а-а, – простонала Айрис, – как ты там без мамы, маленький цыпленочек? Отпустите меня, отпусти-и-ите!

Она сползла по стене на пол, сжалась в комок, подтянув ноги к груди.

– Маараш, прошу тебя… не оставляй моего мальчика, – пробормотала Айрис, как будто кормилица могла ее слышать, – он такой слабый, такой беззащитный…

И умолкла.

В комнате воцарилась тишина, плотная, сонная. А потом Айрис услышала тихий стук. Тук-тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук. Кто-то словно пытался завязать с ней разговор, находясь в соседней комнате.

?

Все внутри замерло, скрутилось тугой раскаленной спиралью. Айрис даже дышать перестала. Стук повторился, настойчиво. Сомнений в том, человек ли по ту сторону стены, почти не осталось.

Она покосилась на дверь – та была плотно закрыта. Бросила осторожный взгляд в окно, но по ту сторону магических стекол только лес темнел, и никого больше. Тогда Айрис поднялась, на цыпочках пересекла комнату и, прижавшись всем телом к стене, осторожно стукнула в ответ. Так же, три раза. И застыла. Мысли прыгали как блохи. Кто там, по ту сторону? Такой же пленник? Пленница? Но от осознания того, что она здесь не одна и, возможно, в соседней комнате томится человек, стало чуть легче.

Когда ты один – ты не сделаешь ничего. Когда вас хотя бы двое, появляется робкая надежда, входит неслышно, крадучись, и очень быстро устраивается в душе, словно кошка, запрыгнувшая на колени.

Когда в ответ снова постучали, Айрис невольно вздрогнула. Ей показалось, что стучали ближе к окну, как будто приглашая. Она шагнула туда, не отлипая от стены. Стукнула еще раз. Ей снова ответили, еще ближе к окну. И когда она добралась до угла между внешней стеной и стеной, разделившей помещения внутри, она заметила интересную деталь, на которую сначала не обратила внимания. Полоса стены шириной в ладонь была испещрена отверстиями, в которые Айрис смогла бы просунуть фалангу мизинца. А по ту сторону сквозь отверстия уже можно было разглядеть половину женского лица, ладонь, прижатую к поверхности, край серой рубахи.

– Здравствуй, – прошептала Айрис на том языке, на котором говорили все ее родные и знакомые.

– И тебе не хворать, – хрипло ответила пленница.

Радость горячей волной окатила Айрис, заиграла хмельными пузырьками, и на миг ей показалось, что – все, она уже на свободе, потому что вдвоем они обязательно что-нибудь придумают.

– Меня зовут Рина, – услышала Айрис тихое, – а тебя как?

Она назвала себя. Не стала говорить, что жена барона, кому это сейчас интересно.

– И как ты после всего этого? – Рина говорила устало, так, словно перетаскала на себе кучу кирпичей. Голос был ломкий, тихий, хриплый.

Айрис подумала минутку, а потом сказала:

– Хорошо. Они ничего плохого пока со мной не сделали.

– Повезло, – прозвучало печальное.

– Ты пробовала бежать? – прошептала Айрис, прижавшись лицом к отверстиям.

– Бежать? Хм, это мне уже не поможет. Я умираю. Они что-то подсадили внутрь меня, и теперь это меня сжирает. Скоро я отправлюсь к Двуединому… И это хорошо. Там цветут сады, светло и тепло. И птицы небесные поют.

– Откуда ты знаешь, что умираешь? – Голос ее упал до едва слышного шепота. А надежда на то, что вдвоем будет легче, все не хотела отпускать, запустила колкие коготки в душу.

– Меня второй день уже кровью рвет, и сил нет никаких, – спокойно ответила Рина, – да ты не печалься обо мне. У Двуединого всяко лучше, чем здесь.

– Мне надо отсюда сбежать, – прошептала Айрис, – у меня сыночек остался дома. Я не хочу, чтобы он был один.

– Ну так беги. – Кажется, Рина пожала плечами, – я бы сбежала, но мне оно без толку. Лучше умереть на чистой постели, чем на грязной соломе. Или, что еще хуже, утонуть зашитой в мешок.

Айрис зажмурилась. А она-то и подзабыла, что делают с теми, кто побывал у Проклятых! Но она же… И посмотрела на свои запястья. Выдохнула с облегчением: кожа была чистой, никаких знаков, какие рассмотрели у Зольки.

– Никто не узнает, что я здесь была, – проговорила она, – скажу, что заблудилась, когда от мужа убегала.

Рина присвистнула.

– Хорошо ты жила, красавица. И все равно вернуться хочешь?

– Так там же…

– Знаю, знаю, ребеночек. Мне проще, у меня детей не было, не успела нажить. А может, что со мной не так было… Теперь не важно. Так если ты бежать хочешь, то беги, этой же ночью. А поутру иди прямо на юг, выйдешь к озеру. Ну а там и город будет.

Айрис медленно накрывала злость. Ей показалось, что Рина попросту издевается. Хочешь – беги. Но как? Превратиться в дым?

– Тебе повезло, – тихо продолжила Рина. Ее голос ломался, оседал трухой, и казалось, что внутри женщины что-то хрустит и скрежещет. Как будто идеальный механизм, созданный Двуединым, вмиг поломался. – Повезло, – повторила она, – в твоей комнате прежде сидел мужчина, который тоже хотел бежать, но он умер в ту ночь, когда для побега было все готово. Решетка на окне легко снимается. Он умудрился выкрутить крепежные винты, и теперь она висит на честном слове. И Проклятые об этом ничего так и не узнали.

Айрис едва удержалась, чтобы не кинуться и не проверить, но вовремя одернула себя.

Она сделает это ночью, когда погасят свет.

– Спасибо, спасибо тебе!

– Не за что, – силуэт Рины дрогнул, – а теперь иди, ложись на кровать. Скоро принесут обед. Поесть надо, тебе понадобятся силы, чтобы дойти до дома.

– Я… могу тебе как-то помочь? Хоть как-то? – Айрис невольно приложила ладонь к отверстиям, и Рина в ответ приложила свою.

– Не поможешь ты мне. Скоро уже…

И закашлялась. И тут же отошла. Айрис услышала, как Рина хрипит и как ее рвет, выворачивает наизнанку.

«А может, и со мной будет то же?»

Да нет же. Она прислушалась к себе. Самочувствие было отличным. Похоже, нелюди не успели сделать с ней то, что сделали с несчастной соседкой.

Изо всех сил стараясь не выдать волнения – кто знает, а вдруг за ней все же наблюдают? – Айрис вернулась на койку и снова забралась под одеяло, поджав

ноги. Руки подрагивали. В удачу почти не верилось. Но ведь Рина не могла обмануть, зачем ей.

И Айрис, закрыв глаза и пытаясь хоть как-то успокоиться, принялась рисовать в воображении образ своего малыша. Светящиеся счастьем и любопытством глазенки, серые, как у нее. Светлые волосики, тоже ее. Ничего практически от Рато, и это к лучшему. Она вернется, обязательно, и вырастит малыша хорошим человеком. Не таким, как его отец, совсем не таким…

?

Время тянулось удручающе медленно. Принесли обед, вернее, привезли на металлической тележке. Проклятый, который еду привез, был другим, не тем, с кем Айрис имела дело до этого, и на нем было свободное серое одеяние. На груди пришит большой карман, и в нем что-то лежало, сквозь ткань помигивало цветными огоньками. И костяной венец на голове совсем низкий, как будто не успел еще отрасти.

Взгляд желтых нечеловеческих глаз придирчиво обежал сжавшуюся на кровати Айрис, и нелюдь поинтересовался:

– Как ты себя чувствуешь?

Она лишь плечами передернула. И вновь подумала о том, что нужно быть сдержанной и вежливой, тогда они потеряют бдительность и ночью все задуманное получится.

– Хорошо, спасибо.

Проклятый ухмыльнулся, но ответом Айрис не удовольствовался. Достал из кармана небольшую черную плитку, на поверхности которой так и бегали разноцветные огоньки, складываясь временами в сложный и непонятный узор. Айрис непроизвольно сжалась, когда он преодолел разделявшее их расстояние и начал водить над ней этим странным устройством.

– В самом деле хорошо, – прокомментировал нелюдь, – даже странно, что настолько хорошо.

– Вы что-то со мной сделали? – внезапно охрипнув, спросила Айрис.

Ведь за стеной умирала Рина, медленно и мучительно.

– То же, что и со всеми, – черные тонкие губы дернулись в усмешке, – но, видимо, наконец нам повезло. Как и тебе.

– И у меня на руках будут знаки?

– Вряд ли, мы поменяли модель. – Он пожал плечами, убрал мигающую штуку. – Ешь. Ты должна хорошо питаться.

Потом, когда он ушел, Айрис заставила себя заглянуть в содержимое металлических квадратных мисок. А в груди жирной, скользкой личинкой ворочался страх. Похоже, они все же успели что-то с ней проделать, причем то же самое, что и с Риной. Но Рина умирала. Значило ли это, что и она, Айрис, скоро отправится в вечные сады Двуединого?

Руки тряслись. Но так нельзя. Она сбежит этой ночью, доберется до замка и… что тогда?

«Сперва к патеру, – мелькнула мысль, – если появлюсь в замке сама, то Рато меня точно убьет. Скажет, что шлюха, и убьет».

В мисках была самая обычная, хорошо разваренная ячменная каша, тушеное мясо кусочками, тонко нарезанные овощи и зелень. В последней емкости Айрис обнаружила розовый студень, который приятно пах земляникой. Ну и бутылка с водой. Ее Айрис даже не сразу смогла открыть, потому что там не было пробки. Горлышко закрывал колпачок из неизвестного Айрис материала, и пришлось изрядно поломать голову, прежде чем она сообразила – его не надо пытаться сдернуть, его достаточно просто покрутить.

Айрис заставила себя съесть все, что привезли. Потом вспомнила про желтую и синюю кнопки, привела себя в порядок и снова легла в постель. За окном медленно собирались сумерки.

Она тихо лежала, поджав ноги, и ей казалось, что ее, маленькую и невесомую, швыряет в бурных, пенящихся водах страхов. Они были у Айрис разными, эти страхи: боялась, что Рато что-нибудь сделает Микаэлу, боялась, что с ней пойдет все, как с Риной. Да что уж там, ночная прогулка по лесу тоже была тем еще развлечением.

Но она дойдет. Двуединый будет идти следом, и ни зверь, ни человек не тронут ее, потому что будет самой большой подлостью – вырваться из лап Проклятых и не увидеть своего малыша.

А Двуединый ведь не подлый, нет?

В комнате медленно собиралась темнота. Никто больше не тревожил ее – ни Проклятые, ни Рина. Возможно, той стало совсем плохо. Возможно, она умерла, потому что ни единого звука не доносилось сквозь отверстия в стене.

Потом Айрис увидела, как на бархатное небо в мелких точках звезд выкатилась медовая луна, большая, низкая. Почему-то из замка она всегда казалась куда меньше – так, еще одно пятно на небесном покрывале. Луне Айрис обрадовалась. Это значило, что ей не придется брести в кромешной уж темноте.

Потом… что-то словно толкнуло в бок.

Пора.

Айрис неслышно поднялась, прислушалась. Хотела подойти и позвать Рину, но передумала. Окно открывалось внутрь, что было очень удобно, и открывалось легко, стоило только потянуть за ручку. Сердце в груди замирало, когда Айрис взялась за решетку и осторожно начала ее толкать от себя. Заскреб металл по камню, и Айрис едва не рассмеялась в голос, когда решетка оказалась у нее в руках. Тяжелая и крепкая, но уже бесполезная.

Она высунулась из окна, спустила решетку в траву, а затем и сама выбралась наружу, сразу присев на корточки и прижавшись к стене. Оказалось, ее держали в длинном, сложенном из камня доме. В одной его стороне окна светились, и сквозь стекла Айрис увидела нескольких Проклятых. Они были заняты своими делами: кто беседовал, кто переставлял с места на место тонкие колбы, наполненные разноцветными жидкостями, кто просто шел куда-то, мелькая то в

одном окне, то в другом. Но все казалось спокойным, и тревогу пока никто не поднял. До леса оставался жалкий десяток шагов. Айрис, пригибаясь, метнулась к деревьям, но, когда добежала, остановилась. Ей показалось, что в траве что-то блеснуло. Наклонилась – и в самом деле, тонкая проволока огораживала поселение. Две блестящих стальных нити, одна на уровне колен, другая на уровне груди. Айрис подобрала руками рубаху, чтобы невзначай не коснуться проволоки, и проскользнула сквозь ограждение.

Вздохнула. Прислушалась. Тишина и шепот ночного леса.

Сбежать от Проклятых оказалось на удивление просто.

Ну и, в конце концов, Золька тоже ведь сбежал, чем она хуже.

Айрис ощупала несколько деревьев, прежде чем определила южную сторону по мху.

Прощай, Рина. Ты сделала благое дело, тебе зачтется.

И смело шагнула вглубь леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shtern_oliviya/izbrannaya-i-beglec

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить